

Надзор и структурное насилие: от Паноптикона к алгоритмам

Антон А. Сизов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики», Москва, Российская Федерация

<https://orcid.org/0009-0002-4483-6160>

Рекомендация для цитирования:
Сизов А. А. (2025) Надзор
и структурное насилие:
от Паноптикона к алгоритмам.
Социология власти, 37 (3): 36-60
EDN: H1DJKV

For citation:
Sizov A. A. (2025) Surveillance and
Structural Violence: From Panopticon
to Algorithms. *Sociology of Power*, 37 (3):
36-60

36

Поступила в редакцию: 21.02.2025;
пропущена рецензирование: 20.05.2025;
принята в печать: 01.06.2025
Received: 21.02.2025; Revised:
20.05.2025; Accepted: 01.06.2025

© Author, 2025
This article is an open access article
distributed under the terms and
conditions of the Creative Commons
Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Резюме: В статье рассматривается феномен на-
блюдения (surveillance) через призму теорий
«структурного насилия» Й. Галтунга и «тихого
насилия» Н. Гарвера. Автор прослеживает эво-
люцию моделей контроля из работ И. Бентама,
М. Фуко, Ж. Делёза и А. Рувруа — от панопти-
ческого до алгоритмического — и выделяет ха-
рактерные для этих моделей техники наблюде-
ния. Утверждается, что каждая из этих техник
порождает специфичные для нее структур-
ные асимметрии, или, как их называет Фуко,
«состояния господства», в рамках которых
возможно структурное насилие по Галтунгу.
Вектор развития моделей контроля, находя-
щий отражение в изменении доминирующих
техник наблюдения, описывается как переход
от архитектуры поведения (управление мно-
жеством через субъективирующие эффекты
на индивидуальном уровне) к экологии дей-
ствия (управлению конкретными выборами
ради статистического эффекта на популяцион-
ном уровне). Роль наблюдения в воспроизвод-
стве структурного насилия рассматривается
на примере теорий «социальной сортировки»
Д. Лиона, «паноптического разбора» О. Ганди
и «надзорного капитализма» Ш. Зубофф. Особо
внимание уделяется интерфейсам в алго-
ритмическом управлении, которые инте-
грируются с профилирующим наблюдением
в единую систему, манипулирующую набо-
ром доступных пользователю аффордансов
(Дж. Гибсон, Д. Нортон). Создаваемая техни-
ками алгоритмической губернантальности,
описанной Рувруа, и приводящая к утрате
автономии асимметрия аффордансов концеп-
туализируется как «тихое насилие» по Гарве-
ру. В контексте развития интернета вещей (IoT)

и самонаблюдения здоровья (mHealth) рассматриваются перспективы дальнейшего расширения интерфейса между человеком и алгоритмическими системами. Незаслуженно обделенное вниманием теоретиками насилия, наблюдение предстает основным механизмом структурного насилия в современном dataфицированном обществе.

Ключевые слова: власть, контроль, dataфикация, гувернаментальность, надзорный капитализм, аффордансы, Фуко, Галтунг

Surveillance and Structural Violence: From Panopticon to Algorithms

Anton A. Sizov

National Research University Higher School of Economics, Moscow,
Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0002-4483-6160>

Abstract: The article examines the phenomenon of surveillance through the prism of J. Galtung's theory of structural violence and Garver's theory of silent violence. The author traces the evolution of control models from the works of Bentham, Foucault, Deleuze and Rovroy — from panoptic to algorithmic — and identifies surveillance techniques typical for these models. It is argued that each of these techniques generates specific structural asymmetries or, as Foucault calls them, states of domination, within which structural violence according to Galtung is possible. The vector of development of control models, reflected in the change in dominant surveillance techniques, is described as a transition from the architecture of behavior (management of the multitude through subjectivizing effects at the individual level) to the ecology of action (management of specific choices for the sake of statistical effects at the population level). The role of surveillance in the reproduction of structural violence is considered using the example of theories such as Lyon's social sorting, Gandy's panoptic sort, and Zuboff's surveillance capitalism. Particular attention is paid to interfaces in algorithmic control, which are integrated with profiling observation into a single system manipulating a set of user-accessible affordances (Gibson, Norton). The asymmetry of affordances created by the techniques of algorithmic governmentality described by Rovroy and leading to the loss of autonomy is conceptualized as silent violence according to Garver. In the context of the development of the Internet of Things (IoT) and self-monitoring of health (mHealth), the prospects for further expansion of the interface between humans and algorithmic systems are considered. Unjustly neglected by theorists of violence, surveillance appears to be the main mechanism of structural violence in modern datafied society.

37

Keywords: power, control, datafication, governmentality, surveillance capitalism, affordances, Foucault, Galtung

Введение

Реконцептуализация насилия в социальной теории второй половины XX века в пользу расширительных трактовок, вклю-

чающих более гибкие и бескровные формы угнетения (Родионова, Смирнов 2022), открыла широкие возможности для социальной критики. Это новое — «тихое» (Garver 1968), «структурное» (Galtung 1969) или «системное» (Жижек 2010) — насилие производится механизмами, настолько укорененными в самом устройстве общества, что порой их трудно заметить.

Еще в Новое время статистика и надзор — наряду с физическим насилием — становятся главным источником «административной власти» национальных государств (Giddens 1985), а сегодня *наблюдение* (surveillance) уже можно считать основным механизмом контроля и распределения жизненных шансов. К сожалению, теоретики расширительных трактовок насилия, пишущие про несправедливость этого распределения в социальной структуре, не уделили должного внимания инструменту власти, посредством которого это распределение осуществляется.

Да, наблюдение не наносит физический вред напрямую, но в то же время оно дискриминирует, принуждает и контролирует, нарушает приватность и лишает автономии. *Можно ли тогда считать наблюдение насилием? Что такой подход может дать теории насилия?* Чтобы ответить на эти вопросы, для начала необходимо определить этот термин.

Наблюдение¹ — многогранное понятие, вбирающее в себя совокупность феноменов, связанных с контролем, надзором, слежкой, мониторингом, трекингом, супервизией и иными формами сбора и анализа данных об индивидах. Наблюдение — это «получение и запись данных, которые могут быть использованы как информация» (Матх 2015, р. 736), то есть это любой сбор данных, который влечет последствия для его объекта. В фокусе *surveillance studies* находится не столько сама техническая процедура наблюдения, сколько ее социальный контекст, связанные с ней социальные отношения. Так, наблюдение — это «сфокусированное, систематическое и постоянное внимание к личным характеристикам в целях влияния, руководства, защиты или управления» (Lyon 2022b, р. 2). Это понятие коннотативно связано с «властью, политикой, сопротивлением и установлением смыслов» (Ibid., р. 5).

1 Слово «надзор» в первую очередь ассоциируется с эксплицитным контролем одними индивидами других, но не подходит, например, для скрытой работы алгоритмов, стакинга в соцсетях, статистического учета рождаемости или ведения истории болезни. Нейтральное «наблюдение» передает больше значений английского слова «surveillance», и эта коннотация в русском языке не является для него искусственной («наблюдательный совет», «наблюдать у врача»).

Эта связь хорошо видна в определении Энтони Гидденса, который выделяет два измерения наблюдения: во-первых, это «накопление “кодированной информации”, которая может быть использована для управления теми, о ком она собрана», а во-вторых, «непосредственный надзор (direct supervision) за деятельностью одних индивидов со стороны других, обладающих над ними властью» (Giddens 1985, р. 14). Таким образом, говоря о наблюдении, социальные теоретики имеют в виду не только и не столько технологии и сам процесс сбора и анализа данных, сколько порождаемые ими отношения власти, асимметричные социальные отношения.

Последнее замечание принципиально важно, поскольку насилиственными могут быть только социальные отношения: считать насилием сам сбор данных — работу включенной камеры или файл-cookie — это все равно что считать насилием меч или взмах меча. Мы говорим о насилии тогда, когда ударом Персея меч сносит голову Горгоны или хотя бы висит над головой Дамокла, но не когда Аякс падает на меч. Иначе говоря, насилиственность определяется не физикой воздействия, но асимметрией влияния на индивида со стороны другого индивида или структуры¹.

Наблюдение не наносит физический вред напрямую, но может опосредовать его: например, это могут быть алгоритмические системы самонаведения ракетных установок или городские системы распознавания лиц, таргетирующие меры полицейского принуждения. Если сопоставить насилие с сообщением, а наблюдение — со средством коммуникации, знаменитая маклюновская формула «средство коммуникации есть сообщение» не утратит свой смысл: не само насилие как таковое, а именно его алгоритмичность определяет структуру порождаемых им сегодня социальных отношений. Иначе говоря, именно *наблюдение создает асимметричную структуру социальных отношений, в рамках которой и возможно насилие*.

Это утверждение основано на теории Йохана Галтунга, понимавшего под *структурным насилием* систематическое неэгалитарное распределение ресурсов социальными структурами, приводящее к ограничению человеческого потенциала (Galtung 1969, р. 172, 175). В своей работе он формально определяет структурные — иерархические и сетевые — принципы, приводящие к неравному распределению благ в системах интеракций (*Ibid.*, р. 175-176). По сути, это

¹ Это влияние необязательно является социальным действием в веберовском смысле, так как агент не всегда связывает с ним субъективный смысл (Вебер 2008, с. 90), особенно если агентом выступает не человек, а алгоритм (см. далее трактовку насилия Й. Галтунга). О насилии как асимметричном влиянии на субъекта, исключающем его свободу и возможность сопротивления, см. далее у М. Фуко.

математическое определение структурной асимметрии, однако оно не дает понимания того, как и на основе чего такие асимметрии формируются. Кроме того, универсальная и абстрактная схема Галтунга не объясняет логику исторического развития этих структур. Данная статья ставит своей целью доказать, что структурные асимметрии создаются наблюдением и меняются вместе с эволюцией его техник.

Чтобы объяснить эволюцию техник наблюдения, они будут рассмотрены в терминах Мишеля Фуко как техники власти¹, чья логика подчинена соответствующей гувернантальности, парадигме управления. Важно отметить, что Фуко, будучи крупнейшим теоретиком наблюдения, не признавал какую-либо власть насилием. В его трактовке власть есть управление поведением (*conduite des conduites*), а управлять — значит, «структурировать возможное поле действия других» (Фуко 2006а, с. 181). Насилие, как его понимает Фуко, управляет субъектами как телами, то есть подавляет субъектность; власть же оставляет определенную свободу поступка, «поле возможностей, куда вписывается поведение действующих субъектов» (Там же, с. 180-182). Отношения власти, считает Фуко, пронизывают все общество, но свобода у субъектов есть далеко не всегда, поскольку существуют многочисленные *состояния господства* (Фуко 2006б, с. 244), когда «отношения власти обездвижены таким образом, что они постоянно являются асимметричными, а полоса свободы чрезвычайно суживается» (Там же, с. 258).

По сути, Фуко определяет структурную асимметрию как асимметричные отношения власти, что открывает возможность для рассмотрения проблематики наблюдения в его работах через призму теории структурного насилия. В этом смысле эта статья посвящена тому, как наблюдение создает состояния господства. Эволюция парадигм управления и соответствующих им техник наблюдения приводит к изменениям в социальной структуре и к трансформациям структурного насилия. Именно на этой интуиции построен дальнейший анализ.

В первой части статьи будет кратко рассмотрена эволюция техник наблюдения в соотнесенности с эволюцией моделей власти и показано, что логика контроля всегда построена на принципе структурной асимметрии и каждая модель власти создает ее с помощью характерных для нее техник наблюдения. Во второй части статьи эти структурные асимметрии будут рассмотрены через призму расширительных трактовок насилия с акцентом на вопросах равенства и автономии.

1 Власть у Галтунга распределяется социальными структурами как ресурс, а у Фуко отношения власти образуют эти структуры.

Контроль: от архитектуры поведения к экологии действия

Одним из первых теоретиков наблюдения можно назвать Иеремию Бентама, чьему перу принадлежит архитектурный проект тюрьмы-Паноптикона, ставший широко известным благодаря работам Мишеля Фуко. Паноптикон представляет из себя здание тюрьмы кольцевой цилиндрической формы, в центре которого находится башня надзирателя. Камеры заключенных расположены по периметру вокруг этой башни так, чтобы быть доступны его взгляду (Bentham 1995, p. 35). Внешний и внутренний периметры здания построены из стекла и железных решеток, чтобы свет проходил через камеры насквозь и перед взглядом надзирателя представляли силуэты заключенных (Фуко 2015, с. 243-244); ночью в камеры направляется свет фонаря центральной башни (Bentham 1995, p. 41). В ранней версии Паноптикона камеры прослушивались с помощью системы слуховых труб, но это могло позволить заключенным слышать надзирателя, и Бентам от них отказался (Фуко 2015, с. 247).

Главный принцип устройства Паноптикона — это *асимметрия видимости*: заключенный «полностью видим, но сам никогда не видит; из центральной башни надзиратель видит все, но сам невидим» (Там же, с. 245-246). Асимметрия видимости приводит к асимметрии знания, а асимметрия знания — к асимметрии власти: надзиратель видит все нарушения, фиксирует их и наказывает за них, а у заключенных формируется ощущение постоянной поднадзорности, не дающее им нарушать тюремный порядок, — помещенный в поле видимости и знающий об этом «впитывает отношение власти» и сам «становится началом собственного подчинения» (Там же, с. 247).

41

Помимо Паноптикона-тюрьмы, Бентам разработал проекты еще нескольких Паноптиконов: работного дома, школы и дома правительства (см.: Galić et al. 2017, p. 13-15). В архитектуре всех этих зданий заложена асимметрия видимости, причем в случае с домом правительства Паноптикон «выворачивается наизнанку»: чиновники оказываются под надзором публики. Утилитаристская утопия Бентама — мир, где каждый «проявляет себя на глазах у каждого» и каждое действие в пользу «всеобщего счастья будет замечено и оценено» (Bentham 1834, p. 101); это общество абсолютной транспарентности и различимости. Так, Бентам не просто предложил несколько архитектурных проектов, но одним из первых теоретизировал то, как наблюдение создает асимметрию власти — подчинение одних другим, а также призвал сделать наблюдение реципрокным, чтобы эту асимметрию сгладить: в обществе, где властители поднадзорны массам, нет коррупции и деспотии.

Проект Паноптикона-тюрьмы выступает опорной метафорой для Мишеля Фуко, описывающего в работе «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» (1975) переход европейских обществ XVIII века от системы суверенной власти, проявляющей себя в форме демонстративного насильственного наказания путем казней, пыток и клеймения (Фуко 2015, с. 45), к системе *дисциплинарной власти* в форме пространственно определенного и темпорально расcodированного контроля, надзора и муштры человеческих тел (Там же, с. 166-167, 174-176, 182-185, 205). Эти техники дисциплинарной власти теоретик обнаруживает в тюрьмах, казармах, школах, монастырях, больницах и мануфактурах — дисциплинарных институтах (Там же, с. 168-169), в чьей архитектуре угадывается бентамовский проект. Каждое движение солдата, выполняющего строевые приемы, производится в строгом порядке за определенное с точностью до секунды время. Рабочие фабрики четко пространственно распределены вокруг поточной ленты или станков, их действия оптимизированы в лучших традициях тейлоризма, начало и завершение работы регулируют заводские гудки.

42

Подобная машинерия тел возможна благодаря распространению механизма *паноптизма* — одной из ключевых черт дисциплинарного общества (Фуко 2015, с. 263). Наблюдение вырабатывает послушание, укорененное в архитектуре, планировке и расписании дисциплины — «здесь мы говорим о двух вещах: о взгляде и об интериоризации взгляда» (Фуко 2002b, с. 232). Так, продуктом дисциплины становятся не только тела, но и сами индивиды (Фуко 2015, с. 237): «отношения подчинения могут изготавливать субъектов» (Фуко 2002a, с. 210). Фуко патетично описывает общество, которое использует весь инструментарий техник власти для *нормации*¹ индивидов, через дисциплину насяждая однородность, а через иерархическое упорядочивание, ранговую сортировку и кодирование различий достигая порядка и максимизируя полезность труда (Фуко 2015, с. 205, 224-225).

К концу XVIII века, как пишет Фуко, основной моделью власти становится *биовласть*², которая управляет жизнью сразу всего населения как популяцией, органической массой, совокупностью есте-

1 В «Надзирать и наказывать» Фуко использует термин «нормализация», но позже обозначает «нормацию» как более подходящий термин, чтобы подчеркнуть «первичность нормы по отношению к нормальному» (Фуко 2011, с. 89).

2 В конце курса лекций «Нужно защищать общество» (Фуко 2005) он вводит понятие «биовласть», но в курсе «Безопасность. Территория. Население» заменяет его термином «устройства безопасности» (*dispositifs de sécurité*) (Фуко 2011, с. 17-18), а далее по ходу курса вводит термин «губернантальность» (*gouvernementalité*), включающий в себя предыдущие два: это власть, целью

ственных феноменов (Фуко 2011, с. 13, 455). Биовласть не ограничена искусственным пространством дисциплинарных институтов, а, напротив, с помощью техник *секьюритизирующего контроля* превращает среду человеческого обитания в безопасную территорию, где просчитаны любые риски (Там же, с. 37-39): она «стремится контролировать серию случайных событий, могущих произойти в живой массе; стремится контролировать (при случае модифицировать) вероятность, во всяком случае, компенсировать ее последствия» (Фуко 2005, с. 263). Секьюритизирующее действие биовласти проактивно, оно включает в себя предиктивную аналитику и превентивные меры, это «система различных наблюдений, проверок, действий по надзору и контролю, позволяющих заранее, до того как вор украд, определить, готов ли он совершить кражу» (Фуко 2011, с. 17).

Дисциплинарная власть использовала норму (юридическую, медицинскую, трудовую) как бинарный код, делящий индивидов на два множества — нормальных и аномальных, а затем применяла техники нормации так, чтобы привести элементы второго множества к критериям попадания в первое (Там же, с. 88-89). Биовласть же осуществляет *нормализацию*, определяя статистически оптимальный уровень выраженности или распространения опасности¹, и применяет техники контроля лишь в тех случаях, когда она выходит за пределы интервала допустимого отклонения (Там же, с. 19-20). Это совершенно другая логика наблюдения, требующая куда больших объемов и регулярного обновления данных. Если дисциплинарное наблюдение стремится к субъективизирующему эффекту на индивидуальном уровне, то секьюритизирующее — к статистическому эффекту на популяционном. Дисциплинарную матрицу заменяет органическое множество, в котором нет смертей, но есть смертность, нет преступлений, но есть преступность (Там же, с. 18-19, 96).

Новые модели власти не сменяют одна другую, но трансформируют, усложняют существующие техники власти (Фуко 2011, с. 22; Фуко 2015, с. 242), а потому в современном обществе можно обнаружить элементы их всех. Например, камеры наружного наблюдения

которой является население, а инструментом — устройства безопасности (Там же, с. 161-162).

1 Такое понимание нормативности напоминает рассуждения Эмиля Дюркгейма о социальной патологии: для любого общества характерен нормальный уровень преступности, патологией она становится, только когда этот уровень значительно превышен (Дюркгейм 1992, с. 82). Более того, Дюркгейм описывает функциональность нормального уровня преступности, а Фуко описывает функциональность нормальных уровней смертности от болезней и голода в логике биовласти (Фуко 2011, с. 68).

ния на улицах города, распознающие лица, сочетают в себе паноптический, дисциплинарный и секьюритизирующий принципы. Во-первых, горожане видят, что «умный город» видит их, и ведут себя соответствующим образом; асимметрия видимости позволяет городским властям ловить преступников (Graham, Wood 2003) и преследовать протестующих (Feldstein 2019). Во-вторых, камеры фиксируют нарушения, причисляя нарушителя к более низкому рангу в системе (например, китайского социального рейтинга), которому соответствует меньший объем прав. Наконец, камеры превращают пространство города в территорию безопасности, осложняя организацию терактов (Lyon 2006), и обеспечивают карантин, препятствуя распространению вируса (Kitchin 2020; Lyon 2022a).

Жиль Делёз развивает идеи Фуко о наблюдении. В работе «Постскриптум к обществам контроля» (1990) он, игнорируя концепцию биовласти¹, пишет об *обществе контроля*, пришедшем в XX веке на смену дисциплинарному обществу. Контроль становится кибернетическим и осуществляется непрерывной чередой молниеносных компьютерных операций с данными (Делёз 2004, с. 230, 232). Системы наблюдения разбирают проявления индивидов — характеристики их тел (внешность или, например, сердечный ритм) или поведение (перемещения и коммуникацию) — на серии потоков данных. Индивидуумы становятся *дивидуумами*, сводятся к массиву данных (Там же, с. 230, 233); «результатом становится декорпорированное тело, абсолютно виртуальный “дата-двойник”», индивид превращается в чистую информацию (Haggerty, Ericson 2000, р. 611-613). На результатах ее анализа строятся стратегии управления, коммерции и контроля, определяется допуск к ресурсам, сервисам и власти (*Ibid.*, р. 611-613), то есть — если понимать индивидов как потоки данных — доступ к информации (Делёз 2004, с. 230). Так, вуз не пустит студента без электронного пропуска, метрополитен — пассажира без проездного, социальная сеть — без регистрации. Сайты и приложения ограничивают возможности пользователей без платной подписки или не давших согласие на файлы-cookies. Помимо расходов и предоставления данных, от дивидуумов требуется определенное поведение: у банков есть рейтинги благонадежности клиентов, у таможен — списки разыскиваемых и невыездных. Асимметрия власти в обществе

¹ Существует полемика вокруг того, как соотносить биовласть Фуко и контроль Делёза: в самих текстах эксплицитные сходства отсутствуют, но в лекциях Делёза они предстают почти синонимами (Nail 2016). Тем не менее, в отличие от Фуко, Делёз описывает современный дигитализированный контроль, и описываемая им техника наблюдения — *модуляция* — все же отличается от секьюритизирующей категоризации биовласти.

контроля — это *асимметрия доступа*, причем «важен не сам барьер, а компьютер, который отслеживает положение каждого, легальное или нелегальное, и осуществляет глобальную модуляцию» (Там же, с. 232).

Цифровизация наблюдения сделала возможным общество контроля, следующим этапом стала алгоритмизация. Алгоритмическое наблюдение осуществляется без участия человека; алгоритмические системы могут автоматически непрерывно собирать и анализировать большие данные, принимать и реализовывать на основе этого анализа решения и переписывать свои алгоритмы с учетом полученного результата (Introna, Wood 2004; Graham, Wood 2003). Такие системы наблюдения стали активно применяться для предсказания человеческого поведения.

Предиктивная аналитика породила новую форму контроля, которую Антуанетта Рувруа и Томас Бернс назвали *алгоритмической губернаментальностью*. Под этим они понимают тип рациональности, «основанный на автоматизированном сборе, агрегации и анализе больших данных в целях моделирования и предсказания возможного поведения, а также заблаговременного воздействия на него» (Rouvroy et al. 2013, р. 10). Авторы описывают, как алгоритмы конструируют¹ индивида из лишенного уникальных черт множества профилей, отсылающих к его «склонностям, предполагаемым желаниям, возможностям и рискам» (Ibid., р. 27); индивиды профилируются как потенциальные банкроты, покупатели, террористы (Ibid., р. 12). У каждого профиля есть своя характерная структура связей (корреляций) между данными, которая корректируется в реальном времени с получением новых данных (Ibid., р. 20).

Алгоритмы через цифровые интерфейсы в режиме реального времени отслеживают действия индивидов, соотносят их с профлиями, которым соответствуют определенные линии вероятного поведения, и предлагают им именно те возможности взаимодействия с интерфейсами (*аффордансы*), которые позволят наиболее вероятно добиться максимально выгодного поведения, например, продать товар за большую цену тому, кто своими действиями в сети выдал

1 Рувруа и ее соавторы опираются на Жильбера Симондона, который вместо метафизики субстанции, при которой субъект конструирует отношения, описывает онтологию отношений (Rouvroy et al. 2013, р. 21), которые предшествуют субъекту и из которых он конструируется в процессе индивидуации, посредством «интеграции неравенств и различий в единую скоординированную систему» (Ibid., р. 5). Именно поэтому Рувруа и Бернс определяют данные как отношения, а их анализ — как поиск связей между отношениями, как поиск «отношений отношений» (Ibid., р. 20).

заинтересованность в его покупке (*Ibid.*, p. 13). Сопротивление алгоритмам невозможно, потому что они сами исключают такую возможность (*Ibid.*, p. 17). Появляется *асимметрия аффордансов*.

Поле возможных действий в цифровой среде — это множество ее аффордансов. Если автор термина, Джеймс Гибсон, определяет аффордансы среды как реальные возможности для действий, определяемые способностями агента, то Дональд Норман, сдевавший термин популярным, понимает эти возможности как воспринимаемые, но не обязательно реальные (McGrenere, Но 2000). Таким образом, цифровой контроль может создавать две асимметрии аффордансов: *реальную и воспринимаемую*. Первая достигается путем непосредственного ограничения выбора, что ближе к работам Рувруа; вторая возможна благодаря гибкости настроек цифровых интерфейсов и ограниченности человеческой рациональности, что позволяет управлять поведением индивидов через *архитектуру выбора*¹ (Johnson et al. 2012; Sunstein, Thaler 2008).

Если попытаться сформулировать эволюцию моделей контроля и, соответственно, техник наблюдения в одном предложении, то это движение от *архитектуры поведения* к *экологии действия*. Под «архитектурой» здесь следует понимать как строения паноптических дисциплинарных пространств (тюрем, школ, заводов), так и внутреннее устройство субъектов — дисциплину, послушание, структуру поля их возможного действия. Более современные формы контроля менее «инвазивны», они заблаговременно рассчитывают вероятности и последствия конкретных действий и воздействуют на них через экологию, среду, условия, аффордансы.

В таблице 1 представлено обобщение рассмотренных теорий. Как можно заметить, каждой разновидности контроля соответствует своя характерная техника наблюдения. Как и в случае с моделями власти у Фуко, каждая новая техника наблюдения несет в себе черты предыдущей. Кроме того, каждой технике наблюдения соответствует порождаемая ей структурная асимметрия. Подробный анализ связи техник наблюдения и структурных асимметрий будет представлен в следующих разделах.

1 Не сокращая число возможностей, настройки интерфейсов могут подталкивать индивида к определенному действию — *nudges* (Sunstein, Thaler 2008), осложнять выбор альтернатив — *sludges* (Sunstein 2021), отвлекать от них, обманывать, выдавая одни аффордансы за другие, или подсовывать вместе с выбранным невыбранное — *UX dark patterns* (Gray et al. 2018). Кроме прочего, это приводит к большему непреднамеренному раскрытию пользователями своих данных.

Контроль	Техника наблюдения	Структура
паноптический	надзор	асимметрия видимости
дисциплинарный	сортировка	асимметрия рангов
секьюритизирующий	категоризация	асимметрия риска
дигитализированный	модуляция	асимметрия доступа
алгоритмический	профилирование	асимметрия аффордансов

Таблица 1. Соответствие моделей контроля, техник наблюдений и структурных асимметрий

Table 1. Correspondence between control models, surveillance techniques and structural asymmetries

Структурные асимметрии социальной сортировки

47

Йохан Галтунг определяет насилие как ситуацию, при которой «на людей оказано такое влияние, что их актуальные телесные или ментальные реализации не соответствуют их потенциальным реализациям»; насилием является все, что увеличивает этот разрыв или препятствует его сокращению (Galtung 1969, p. 168). Если в более классических определениях насилие сводится к применению силы (force), Галтунг пишет о насилии как влиянии (influence), значительно расширяя это понятие. Важная черта этой трактовки насилия — необязательность наличия конкретного агента. Так, если *персональное* насилие исходит от конкретного индивида, источником *структурного* насилия выступает социальный порядок: «насилие встроено в структуру и проявляется как неравное распределение власти и, следовательно, жизненных шансов» (Ibid., p. 171).

В качестве одного из механизмов структурного насилия Галтунг выделяет порядок, построенный на прямом ранжировании (Ibid., p. 176). Фуко пишет о сортировке и ранжировании в контексте дисциплины. Дисциплина организует аналитическое пространство, в рамках которого возможны надзор и наказание, оценка качеств и заслуг (Фуко 2015, с. 174). Единицей в нем выступает ранг, место в классификации, клетка в таблице (Там же, с. 178). На этом поле сравнения дисциплинарная власть выстраивает индивидов в иерархический порядок, сравнивает и ранжирует их качества, устанавливает степень их соответствия норме. Примером могут по-

служить диспансеры для больных туберкулезом, где возможности и свобода пациентов зависят от того, как их состояния классифицировали врачи на основе анализов, то есть наблюдения (Bowker, Star 2000, p. 26-27).

В дисциплинарных институтах индивид подвергается муштре, «промывке мозгов» и наказаниям, после чего остается лишь «послушное тело», продукт дисциплины¹ (Фуко 2015, с. 168, 237). Нормация обязательно подразумевает наказания на основе ранжирования: одиночная камера, смирительная рубашка, лишение очередной увольнительной в армии, вычеты из оклада или старинная школьная порка. Наказания определяются соответствием определенным рангам, а принадлежность к рангам устанавливается на основе наблюдения: надзора в тюрьме, осмотра в больнице, экзамена в школе.

Некоторые авторы отмечают, что описанный Фуко «переход от пыток к дисциплине представлял собой переход от прямого телесного насилия к структурному» (Dodds 2020, p. 391). Эта интуиция требует уточнения: старые модели власти не исчезают, а встраиваются в новые, так же как и структурное насилие с определенного момента начинает задавать институциональные формы персонального насилия (Galtung 1969, p. 178). Так, например, тюремное заключение как ограничение движений признается Галтунгом персональным телесным насилием (*Ibid.*, p. 174), но в случае с тюрьмой насилие исходит не столько от конкретного надзирателя, сколько от структуры, в которой заключенный занял соответствующий ранг.

Сортировка для Фуко есть техника власти, которая распределяет награды и наказания, а также продвигает или исключает на основе ранжирования индивидов. Так, она создает состояния господства, а именно структурную асимметрию рангов, в которой структурным насилием, по Галтунгу, может являться как нисходящее перемещение в иерархии, так и само неравное распределение жизненно важных благ по стратифицирующему принципу.

Если с помощью сортировки дисциплина максимизирует послушание, то с помощью категоризации биовласть минимизирует

1 Логика извлечения из субъектов полезности не ставит своей целью нанесение им вреда, но она и не направлена на их благополучие, а потому дисциплина цинично «отделяет силы от тела» (Фуко 2015, с. 168). Насаждаемая ей норма может быть несовместима со здоровьем и развитием человека, если, например, вспомнить ненормированный детский фабричный труд в начале XIX века (Rasmussen 2024, p. 567; Humphries 2013), — Галтунг определяет эксплуатацию, приводящую к страданиям и болезням, как одну из форм структурного насилия (Galtung 1990, p. 293).

риски. Различные категории в разной степени, во-первых, сами подвержены рискам, например, смертельному заболеванию или голоду (Фуко 2011, с. 68, 94), а во-вторых, в разной степени представляют потенциальную опасность для всего населения. Фуко подчеркивает, что биовласть волнует только второе. Она игнорирует отдельные множества до тех пор, пока «без должного управления определенной категорией людей» становится «невозможно добиться того, чего стремятся добиться применительно к населению в целом» (Там же, с. 68). Эта расчетливая слепота приводит к нормальному уровню смертности от болезней (Там же, с. 94), который не снижают, если нет угрозы для популяции, а также к необходимой для поддержания рыночных механизмов нехватке зерна, приводящей кциальному уровню голодных смертей (Там же, с. 68). Именно это неравное распределение жизненных шансов, при котором умирают те, кого можно было бы спасти при другом распределении власти и ресурсов, Галтунг называет структурным насилием (Galtung 1969, р. 178).

Эта линия рассуждений Фуко была развита классиком исследований наблюдения Дэвидом Лионом (Lyon 2005). Согласно его теории социальной сортировки¹ (*social sorting*), сбор данных системами наблюдения позволяет профилировать индивидов, относя их к иерархически упорядоченным категориям. На основе этой категоризации определяется, «на кого должны быть нацелены особое обращение, подозрение, выбор, инклюзия, доступ и так далее» (Ibid., р. 20), а на кого — нет. Посредством наблюдения индивиды сопоставляются с тем объемом прав, возможностей и ресурсов, которые отводятся этой категории в социальной структуре. Принципиально важно, что посредством социальной сортировки наблюдение не просто обнаруживает различия, но активно их конструирует, управляя населением на основе этих предписанных статусов (Monahan 2008, р. 219). Образование и принуждение групп всегда сопряжено с наблюдением (Graham, Wood 2003, р. 227).

Если персональное наблюдение направлено на получение информации о конкретном индивиде, то массовое наблюдение — на «выявление» в населении определенных категорий (Clarke 1988, р. 499), на основании соответствия которым одни получают льготы, скидки, пособия и услуги (Monahan 2010), а другие проходят дополнительные проверки в метро и аэропортах, получают

¹ У Лиона нет введенного выше различия между сортировкой и категоризацией, что может вызвать путаницу. Социальная сортировка Лиона — категоризация, а описываемый им контроль — секьюритизирующий (концепция появилась по следам теракта 11 сентября 2001 года).

отказ на въезд в страну (Lyon 2006). Социальная сортировка может выступать как подспорьем эффективной борьбы с эпидемиями, преступностью и терроризмом, так и инструментом репрессивного аппарата и дискриминационной политики в отношении расовых и религиозных (Lyon 2006; Fiske 1998), гендерных и сексуальных меньшинств (Koskela 2012), нищих и бездомных (Fopp 2002; Gilliom 2001). Наблюдение «обладает властью определять неуместное», а потому, навязывая нормы, оно сфокусировано на «тех, кто был отнесен к “ненормальным”» (Fiske 1998, р. 81). Гидденс отмечает, что «девиация — это не совокупность действий или отношений, отделенных от надзорных операций государства, она формируется в них и посредством их» (Giddens 1985: 309). Объявляя обделенные ресурсами категории (*underdogs*) девиантными и объясняя их положение их девиацией — то есть объясняя причину следствием, — власть имущие (*topdogs*) осуществляют *маргинализацию*, одну из форм структурного насилия (Galtung 1990, р. 294).

50

В сфере частного наблюдения интернет-магазины и маркетплейсы используют механизм, названный Оскаром Ганди *паноптическим разбором* (*panoptic sort*), который заключается в последовательной идентификации продавцами своих покупателей, оценке их «экономической ценности» и категоризации на основе собранных данных (Gandy 1996, р. 133-135). Паноптический разбор позволяет предугадывать выбор покупателей, опираясь на историю покупок людей из той же категории, а также предлагать более состоятельным покупателям более дорогие товары (*Ibid.*, р. 140-142). Это стало возможно благодаря появлению аккаунтов: новые данные о поведении авторизовавшегося на сайте покупателя ассоциируются с уже накопленными данными о нем и данными о покупках других покупателей из той же категории. Здесь можно наблюдать промежуточную стадию между категоризацией и профилированием.

Если дисциплинарный контроль, основанный на бинарной норме, скрупулезно анализировал своих изолянтов, то для основанного на бинарном коде массового дигитализированного контроля не существует индивидов — лишь их дивидуальный цифровой след. Это делает социальную сортировку неизбежно дискриминационной и стигматизирующей, поскольку право объектов наблюдения на доступ к ресурсам определяется на основе нескольких, часто формальных, признаков: любое «профилирование исходит из предпосылки возможности узнать другого без знакомства» (Bellanova et al. 2021, р. 130). Этот избыточный фокус на категоризующем признаке, определяющем уровень доступа, и абсолютная слепота ко всем остальным (Lianos, Douglas 2000, р. 107), свойственные операциям

общества контроля, делают структурные асимметрии насилиственными в своей непредвзятости: для бездомного получение пособия, которое не выдают без соответствующих документов, может быть вопросом жизни и смерти, равно как и для мигранта, пытающегося покинуть охваченную политическим кризисом страну. Некоторые авторы объясняют несправедливой работой социальной сортировки неравный доступ к здравоохранению, с чем связаны более высокие доли умерших от COVID-19 среди бедных слоев населения и расовых меньшинств (Maras 2023). По Галтунгу, поскольку этих смертей можно было избежать, погибших можно считать жертвами структурного насилия — несправедливого распределения ресурсов и возможностей (Galtung 1969, р. 178).

Алгоритмизация социальной сортировки приводит к алгоритмизации структурного насилия. Так, Мими Онуоха ввела понятие *алгоритмического насилия* — таковым она называет дискриминацию, которую «совершает алгоритм или автоматизированная система принятия решений, не позволяя людям удовлетворять свои базовые потребности» (Onuoha 2018). В качестве примеров она приводит предвзятую работу алгоритмов по отношению к определенным социальным категориям, которые используются полицией и судами, рекрутерами и банками. Подхватившие этот термин авторы описывают расовые предрассудки, заложенные в алгоритмические системы анализа стоимости недвижимости (Safransky 2020), использование алгоритмов в военных и полицейских целях (Bellanova et al. 2021); с концепцией Онуоха часто сравнивают более ранние работы о предвзятой работе алгоритмов браузеров (Noble 2018) и государственных социальных программ (Eubanks 2017). Фактически эти авторы называют алгоритмическим насилием вообще любую категориальную дискриминацию с участием алгоритмов. Однако алгоритмизация наблюдения не сводится только к автоматизации социальной сортировки: она порождает новые техники наблюдения, которые, в свою очередь, порождают новые формы структурного насилия.

51

Тихое насилие алгоритмов: асимметрии аффордансов

Ньютон Гарвер в своей работе «Что такое насилие?» (1968) замечает, что идея насилия теснее связана с идеей нарушения (*violation*), нежели силы (*force*), а потому переопределяет насилие как нарушение неотъемлемых человеческих прав (Betz 1977, р. 340). Такими правами он считает *право на тело* и *право на автономию*, причем последнее понимается как «право на продукт своего труда» и «право распоряжаться или справляться с последствиями своих действий» (цит. по: Betz 1977, р. 340). Кроме того, он вводит различие на «персональ-

ное» и «институциональное насилие», а также на «открытое/физическое» и «скрытое/тихое»¹ (*Ibid.*). Джозеф Гарвер, не отрицая своих сомнений, трактует тихое насилие Гарвера как психологическое (*Ibid.*, p. 348), но кажется, что это слабо обоснованное и необязательное сужение авторского замысла.

В контексте организованного наблюдения примечательна институциональная форма тихого насилия, которая, согласно Гарверу, «действует, когда люди систематически лишаются выбора из-за самого способа, которым обычно совершаются операции (transactions)» (цит. по: Coady 1985, p. 2). Так, насильтвенной может быть архитектура выбора, сокращение набора доступных альтернатив, возможностей, аффордансов, что, по сути, есть структурирование возможного поля действия другого — фукиансское понимание власти (Фуко 2006а, с. 181). Под этим углом автономию у Гарвера можно понимать в том числе как ту свободу, которую Фуко делает отличительной чертой отношений власти: наличие реальной альтернативы насыжданому властным отношением действию, а также возможность сопротивления этому насыждению (Там же, с. 180-182). Более того, если соотнести этот концепт с теорией Галтунга, тихое институционализированное насилие предстает как одна из форм структурного насилия², поскольку оно порождает асимметрию возможностей выбора, структурную асимметрию. Далее будут рассмотрены проявления контроля, порождающие асимметрии аффордансов.

Изначально для максимизации прибыли и конкурентоспособности на рынке было достаточно экстенсивного изменения масштабов сбора данных, что сделало предоставление данных условием получения товаров и услуг (Gandy 1996, p. 145); Шошанна Зубофф называет это «императивом извлечения» (Зубофф 2022, с. 263). Но вскоре эффекта от увеличения масштаба наблюдения стало недостаточно и потребовалось улучшение прогностического качества поведенческих данных, появляется «императив прогнозирования» (Там же). Надзорные капиталисты осознали, что «самый верный способ предсказать поведение — вмешаться и сформировать его у истока» (Там же, с. 265), используя средства управления поведением: манипуляции через архитектуру выбора и своевременное появление стимулов Зубофф называет «подстройкой» (*tuning*), тогда как непосредственное ограничение возможностей — «понуждением» (*herding*)³

1 В этом разделе «тихое (silent) наблюдение» алгоритмов (Introna, Wood 2004) концептуализируется как «тихое (quiet) насилие» по Гарверу.

2 «Структурного» в трактовке Галтунга, «насилия» в трактовке Гарвера.

3 Зубофф также выделяет третий подход, «обуславливание» — систему дрессировки посредством поощрений определенного поведения из работ бихевиориста Берресса Скиннера (Зубофф 2022, с. 387-388). Галтунг также отмечал,

(Там же, с. 385). Первый из этих двух подходов к изменению поведения создает асимметрию аффордансов, которую мы ранее назвали воспринимаемой, в то время как второй — реальную асимметрию аффордансов.

Описывая уже упомянутый феномен паноптического разбора, Ганди одним из первых осознает, какую власть над спросом дает возможность таргетировать предложение. Профилирование и категоризация покупателей, анализ и систематизация их покупок сделали возможным предлагать им те товары, которые покупали другие представители их категории. Анализируя, кто какие товары чаще покупает вместе, продавцы стали манипулировать потребительским выбором, подталкивая покупателей к незапланированным покупкам (Gandy 1996, р. 144). Паноптический разбор является примером ранних попыток внедрения механизмов «подстройки», тогда как сегодня манипуляции через стимулы, основанные на сборе данных, стали куда изощреннее: Зубофф приводит в пример рекламу, таргетированную по геолокации смартфона индивида или даже по истории его типичных перемещений в это время суток (Зубофф 2022, с. 318). Реклама также может подбираться на основе прослушки разговоров подключенными к интернету девайсами, например, телевизором или умной колонкой (Там же, с. 346–347).

53

Рувруа и ее соавторы описали более продвинутые, чем у Ганди, механизмы манипуляций спросом с применением сложных алгоритмических систем. Они порождают уже не иерархию категорий (сортов покупателей), но более многомерное профилирование, где каждому соответствует сложная констелляция профилей (Rouvroy et al. 2013, р. 12, 27). Это позволяет делать предсказания тех же покупок не на категориальном, а на индивидуальном уровне. Кроме того, в работе Рувруа цифровое наблюдение вступает в альянс с цифровым интерфейсом: профилирование в режиме реального времени (сбор данных, их корреляционный анализ) позволяет предсказывать предрасположенности индивида, например, эластичность его спроса на товар, а интерфейс структурирует аффордансы так, чтобы добиться от индивида наиболее выгодного для платформы действия.

В качестве примера такой работы алгоритмического наблюдения с интерфейсом Рувруа приводит динамическое ценообразование (*Ibid.*, р. 13). Если покупатель заходит на сайт и видит билеты на рейс по одной цене, покидает его в поисках более дешевых альтернатив и,

что насилие может осуществляться посредством поощрений за выгодное властя имущим поведение, если это в конечном итоге ведет к разрыву между потенциальными и актуальными реализациями (Galtung 1969, р. 170).

не найдя их, возвращается на этот сайт, он увидит, что цена выросла. Закономерной реакцией на это будет купить билеты по текущим ценам, пока они еще не выросли. При этом если он зайдет на этот сайт с другого устройства, то увидит старую цену (*Ibid.*). Это объясняется тем, что алгоритмы сайта на основе собранных с помощью цифрового наблюдения данных профилировали его как того, кому необходимо срочно купить билеты.

Работа алгоритмов в статье Рувруа является яркой иллюстрацией таких манипуляций поведением, которые Зубофф обозначает как «понуждение» — потребителю не оставляют никакой иной возможности, кроме предписанной алгоритмом. Алгоритмический контроль, построенный на профилировании, позволяет предсказывать конкретные действия конкретных индивидов и, благодаря гибкости настроек цифровых интерфейсов, воздействовать на них. По Гарверу, систематические ограничения автономии исходят из самого способа, которым осуществляются действия. В работе Рувруа этим способом выступает неизбежное взаимодействие индивида с интерфейсом, через который же осуществляется ограничение выбора. На основе собранных в ходе цифрового наблюдения данных индивид алгоритмически профилируется в реальном времени; так, алгоритмы просчитывают, какой набор аффордансов ему предложить, чтобы принести сайту наибольшую выгоду.

Зубофф в своей работе описывает вектор дальнейшего развития механизмов «понуждения», а именно структурирование аффордансов в физическом, но totally дигитализированном мире. Внедрение технологий наблюдения в повседневность, появление интернета вещей и распространение умных домов и девайсов приводит к тому, что расширяется пространство поднадзорности, а следовательно, и пространство контроля. В качестве примера Зубофф описывает умный автомобиль, который может не включать зажигание у просрочившего выплаты должника и сам вызвать эвакуатор или же собирать данные о стиле вождения индивида и профилировать его, что позволит страховой компании поднять стоимость страховки небрежному водителю (Зубофф 2022, с. 279-282). Наблюдение постепенно обретает возможность создавать асимметрии аффордансов нецифровых интерфейсов.

Такая «идеология неизбежности исключает возможность выбора и добровольного участия», — подытоживает Зубофф, — «она не оставляет места для человеческой воли как творца будущего» (Там же, с. 298), используя «все доступные средства для замены автономных действий гетерономными» (Там же, с. 404). Таким образом, систематическая утрата выбора, о которой пишет Гарвер, становится единственной доступной индивидам реальностью.

Заключение

В современном обществе «тот факт, что человек одарен способностью к поступку» лишь означает, «что он ускользает от всякой обозримости и вычислимости» (Арендт 2000, с. 232), причем это становится уже практически невозможным, ведь поднадзорность, прозрачность и предсказуемость стали условиями участия в социальной жизни и удовлетворения базовых потребностей.

Эволюция моделей управления представляет собой переход от архитектуры поведения к экологии действия. Контроль от субъективирующих техник, направленных на дифференцируемое множество, переходит к проактивной манипуляции условиями конкретных действий конкретных индивидов. Такому контролю становится сложнее сопротивляться, поскольку он исключает саму вероятность сопротивления.

Каждой модели контроля соответствует своя характерная техника наблюдения: паноптический надзор, дисциплинарная сортировка, секьюритизирующая категоризация, дигитализированная модуляция и алгоритмическое профилирование. Эти техники наблюдения действуют в логике соответствующих им парадигм управления, описанных Фуко.

55

Определенные Галтунгом антиегалитарные паттерны в структуре распределения ресурсов, а также фукианское понятие состояний господства как асимметричных отношений власти, ограничивающих свободу субъектов, стали основой концептуализации структурного насилия как структурных асимметрий, специфичных для каждой модели контроля, что позволило рассмотреть различия структурного насилия не по депривируемым потребностям, как это делает Галтунг (Galtung 1990, р. 292), но по стратифицирующим принципам в социальной структуре. Каждая техника наблюдения порождает специфичную для нее структурную асимметрию в распределении ресурсов и жизненных шансов. Эти асимметрии приводят к неравенству возможностей и ограничению свободы выбора.

Логичным завершением данного анализа генеалогии наблюдения из работ Фуко, Делёза и Рувруа будет обращение к будущему. Зубоф обозначила тенденцию к выходу контроля аффордансов за пределы цифрового пространства, к управлению через физические интерфейсы, как в случае с автомобилем. Сегодня тело становится объектом пристального (само)наблюдения, а потому человеческий организм в конечном итоге тоже может стать таким интерфейсом. Подобный гормональной регуляции голода, применяемой сейчас в лекарствах для похудения, может появиться механизм биохимической регуляции намерений и мотиваций; тогда предсказание и проактивное подавление одних желаний и формирование искус-

ственных, но выгодных системе других приведет к новым формам неравенства.

В любом случае дальнейшее развитие техник наблюдения будет происходить в логике развития моделей контроля и будет порождать новые структурные асимметрии, новые измерения структурного насилия, а потому его теоретикам необходимо уделять больше внимания этому феномену.

Финансирование / Funding

Исследование реализовано при поддержке факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

This research is supported by the Faculty of Social Sciences, HSE University.

Список источников / References

56

- Арендт Х. (2000) *Vita activa, или О деятельной жизни*. Алетейя.
— Arendt H. (2000) *Vita activa, or On the Active Life*. Aletheia. (in Russ.)
- Вебер М. (2008). Основные социологические понятия. *Социологическое обозрение*, 7(2), pp. 86–127. EDN: JWUSJL
— Weber M. (2008) Basic concepts of sociology. Unabridged translation. *The Russian Sociological Review*, 7(2), pp. 86–127. (in Russ.)
- Делёз Ж. (2004) *Переговоры. 1972–1990*. Наука. EDN: QWGJQZ
— Deleuze G. (2004) *Negotiations. 1972–1990*. Nauka. (in Russ.)
- Дюркгейм Э. (1992) Норма и патология. *Рубеж: Альманах социальных исследований*, (2), с. 82–88.
— Durkheim E. (1992) Norm and pathology. *Rubezh: Almanac of social research*, (2), pp. 82–88. (in Russ.)
- Жижек С. (2010) *О насилии*. Издательство «Европа». EDN: QOMDEF
— Žižek S. (2010) *On Violence*. Publishing House «Europe». (in Russ.)
- Зубоффи Ш. (2022) *Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти*. Издательство Института Гайдара.
— Zuboff S. (2022) *The Age of Surveillance Capitalism. The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. Gaidar Institute Publishing House. (in Russ.)
- Родионова М. М., & Смирнов Н. М. (2022) Корабль Тесея: трансформации понятия насилия в политической и социальной теории. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*, (3), с. 6–27. EDN: LOWNBU. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-106-3-6-27>
— Rodionova M. M. & Smirnov N. M. (2022) The Ship of Theseus: Transformations of the Concept of Violence in Political and Social Theory. *Politeia: Analysis. Chronicle. Forecast*, (3), pp. 6–27. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-106-3-6-27>. (in Russ.)

Фуко М. (2002а) Нужно защищать общество (с. 210–219). В сборнике: Визгин В. П. & Скуратов Б. М. (ред.) *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Часть 1.* Праксис.

— Foucault M. (2002a) Society Must Be Defended (pp. 210–219). In Vizgin V. P. & Skuratov B. M. (Eds.) *Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches and Interviews. Part 1.* Praxis. (in Russ.)

Фуко М. (2002b) Око власти (с. 220–248). В сборнике: Визгин В. П. & Скуратов Б. М. (ред.) *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Часть 1.* Праксис.

— Foucault M. (2002b) Eye of Power (pp. 220–248). In Vizgin V. P. & Skuratov B. M. (Eds.) *Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches and Interviews. Part 1.* Praxis. (in Russ.)

Фуко М. (2005) «Нужно защищать общество»: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году. Наука. EDN: QWLMUN

— Foucault M. (2005) «*Society Must Be Defended*»: the course of lectures given at the Collège de France in the 1975–1976 academic year. Nauka. (in Russ.)

Фуко М. (2006a) Субъект и власть (с. 161–190). В сборнике: Большаков В. П. (ред.) *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Часть 3.* Праксис.

— Foucault M. (2006a) Subject and Power (pp. 161–190). In Bolshakov V. P. (Ed.) *Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches and Interviews. Part 3.* Praxis. (in Russ.)

Фуко М. (2006b) Этика заботы о себе как практика свободы (с. 241–270). В сборнике: Большаков В. П. (ред.) *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Часть 3.* Праксис.

— Foucault M. (2006b) The Ethics of Self-Care as a Practice of Freedom (pp. 241–270). In Bolshakov V. P. (Ed.) *Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches and Interviews. Part 3.* Praxis. (in Russ.)

Фуко М. (2011) Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году. Наука. EDN: QXBZNV

— Foucault M. (2011) *Security, territory, population. The course of lectures given at the Collège de France in the 1977–1978 academic year.* Nauka. (in Russ.)

Фуко М. (2015) Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. Ad Marginem: Музей современного искусства «Гараж».

— Foucault M. (2015) *Discipline and Punish. The Birth of the Prison.* Ad Marginem: Garage Museum of Contemporary Art. (in Russ.)

Bellanova R., Irion K., Lindskov Jacobsen K., Ragazzi F., Saugmann R. & Suchman L. (2021) Toward a critique of algorithmic violence. *International Political Sociology*, 15(1), pp. 121–150. <https://doi.org/10.1093/ips/olab003>

Bentham J. (1995) *The Panopticon Writings* (M. Božović, Ed.). Verso.

Bentham J. (1834) *Deontology or, The science of morality* (J. Bowring, Ed.). Longman, Rees, Orme, Brown, Green and Longman.

Betz J. (1977) Violence: Garver's definition and a Deweyan correction. *Ethics*, 87(4), pp. 339–351. <https://doi.org/10.1086/292046>

Bowker G. C. & Star S. L. (2000) *Sorting things out: Classification and its consequences*. MIT press.

Clarke R. (1988) Information technology and dataveillance. *Communications of the ACM*, 31(5), pp. 498–512. <https://doi.org/10.1145/42411.42413>

Coady C. A. J. (1985) The idea of violence. *Philosophical Papers*, 14(1), pp. 1–19. <https://doi.org/10.1080/05568648509506233>

Dodds C. (2020) In Fear of Black Revolutionary Contagion and Insurrection: Foucault, Galtung, and the Genesis of Racialized Structural Violence in American Foreign Policy and Immigration Law. *Michigan Journal of Race & Law*, 26, pp. 371–441. <https://doi.org/10.36643/mjrl.26.2.fear>

Eubanks V. (2017) *Automating Inequality: How High-Tech Tools Profile, Police, and Punish the Poor*. St. Martin's Press.

Feldstein S. (2019) The road to digital unfreedom: How artificial intelligence is reshaping repression. *Journal of Democracy*, 30(1), pp. 40–52. <https://doi.org/10.1353/jod.2019.0003>

Fiske J. (1998) Surveilling the City: Whiteness, the Black Man and Democratic Totalitarianism. *Theory, Culture & Society*, 15(2), pp. 67–88. <https://doi.org/10.1177/026327698015002003>

58

Fopp R. (2002) Increasing the Potential for Gaze, Surveillance and Normalisation: the transformation of an Australian policy for people who are homeless. *Surveillance & Society*, 1(1), pp. 48–65. <https://doi.org/10.24908/ss.v1i1.3393>

Galović M., Timan T. & Koops B. J. (2017) Bentham, Deleuze and beyond: An overview of surveillance theories from the panopticon to participation. *Philosophy & Technology*, 30, pp. 9–37. <https://doi.org/10.1007/s13347-016-0219-1>

Galtung J. (1969) Violence, peace, and peace research. *Journal of peace research*, 6(3), pp. 167–191.

Galtung J. (1990) Cultural violence. *Journal of peace research*, 27(3), pp. 291–305. <https://doi.org/10.1177/0022343390027003005>

Gandy O. H. (1996) Coming to Terms with the Panoptic Sort (pp. 132–155). In Lyon D. & Zureik E. (Eds.) *Computers, surveillance, and privacy*. University of Minnesota Press.

Garver N. (1968) What Violence Is. *The Nation*, 209(24), pp. 819–822.

Giddens A. (1985) *The Nation-State and Violence*. Polity Press.

Gilliom J. (2001) *Overseers of the poor: Surveillance, resistance, and the limits of privacy*. University of Chicago Press.

Graham S. & Wood D. (2003) Digitizing Surveillance: Categorization, Space, Inequality. *Critical Social Policy*, 23(2), pp. 227–248. <https://doi.org/10.1177/0261018303023002006>

Gray C. M., Kou Y., Battles B., Hoggatt J. & Toombs A. L. (2018) The dark (patterns) side of UX design (pp. 1–14). In *Proceedings of the 2018 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems*. <https://doi.org/10.1145/3173574.3174108>

Haggerty K. & Ericson R. (2000) The Surveillant Assemblage. *The British journal of sociology*, 51(4), pp. 605–622. <https://doi.org/10.1080/00071310020015280>

- Humphries J. (2013) Childhood and child labour in the British industrial revolution. *The Economic History Review*, 66(2), pp. 395–418. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0289.2012.00651.x>
- Introna L. & Wood D. (2004) Picturing algorithmic surveillance: The politics of facial recognition systems. *Surveillance & Society*, 2(2/3), pp. 177–198. <https://doi.org/10.24908/ss.v2i2/3.3373>
- Johnson E. J., Shu S. B., Dellaert B. G., Fox C., Goldstein D. G., Häubl G., Larrick R. P., Payne J. W., Peters E., Schkade D., Wansink B. & Weber E. U. (2012) Beyond nudges: Tools of a choice architecture. *Marketing letters*, 23, pp. 487–504. <https://doi.org/10.1007/s11002-012-9186-1>
- Kitchin R. (2020) Civil liberties or public health, or civil liberties and public health? Using surveillance technologies to tackle the spread of COVID-19. *Space and Polity*, 24(3), pp. 362–381. <https://doi.org/10.1080/13562576.2020.1770587>
- Koskela H. (2012) «You shouldn't wear that body»: the problematic of surveillance and gender (pp. 49–56). In Ball K., Haggerty K. & Lyon D. (Eds.) *Routledge handbook of surveillance studies*. Routledge.
- Lianos M. & Douglas M. (2000) Dangerization and the End of Deviance: The Institutional Environment (pp. 261–278). In Sparks R. & Garland D. (Eds.) *Criminology and Social Theory*. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/bjc/40.2.261>
- Lyon D. (2006) Airport screening, surveillance, and social sorting: Canadian responses to 9/11 in context. *Canadian Journal of Criminology and Criminal Justice*, 48(3), pp. 397–411. <http://doi.org/10.1353/cj.2006.0030>
- Lyon D. (2005) Surveillance as social sorting: Computer codes and mobile bodies (pp. 27–44). In Lyon D. (Ed.) *Surveillance as social sorting*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203994887>
- Lyon D. (2022a) *Pandemic surveillance*. Polity Press.
- Lyon D. (2022b) Surveillance. *Internet Policy Review*, 11(4), pp. 1–18. <http://doi.org/10.14763/2022.4.1673>
- Maras M. H. & O'Brien W. (2023) Discrimination, stigmatization, and surveillance: COVID-19 and social sorting. *Information & Communications Technology Law*, 32(1), pp. 122–148. <https://doi.org/10.1080/13600834.2022.2101295>
- Marx G. T. (2015) Surveillance studies (2nd ed., pp. 733–741). In Wright J. D. (Ed.) *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*. Elsevier. <http://doi.org/10.1016/B978-0-08-097086-8.64025-4>
- McGrenere J. & Ho W. (2000) Affordances: Clarifying and evolving a concept (pp. 179–186). In *Proceedings of the Graphics Interface 2000 Conference*. <https://doi.org/10.20380/GI2000.24>
- Monahan T. (2008) Surveillance and inequality. *Surveillance & Society*, 5(3), pp. 217–226. <https://doi.org/10.24908/ss.v5i3.3421>
- Monahan T. (2010) Surveillance as governance: social inequality and the pursuit of democratic surveillance (pp. 107–126). In Haggerty K. D. & Samatas M. (Eds.) *Surveillance and democracy*. Routledge-Cavendish.
- Nail T. (2016) Biopower and control (pp. 247–263). In Morar N., Nail T. & Smith D. W. (Eds.) *Between Deleuze and Foucault*. Edinburgh University Press. <https://doi.org/10.1515/9781474415095-017>

- Noble S. U. (2018) *Algorithms of Oppression: How Search Engines Reinforce Racism*. NYU Press.
- Onuoha M. (2018, February 7). Notes on algorithmic violence. *GitHub*. <https://github.com/MimiOnuoha/On-Algorithmic-Violence>
- Rasmussen M. B. (2024) The great standardisation: Working hours around the world. *Labor History*, 65(4), pp. 563–591. <https://doi.org/10.1080/0023656X.2023.2291512>
- Rouvroy A., Berns T. & Carey-Libbrecht L. (2013) Algorithmic governmentality and prospects of emancipation. *Réseaux*, 177(1), pp. 163–196. <https://shs.cairn.info/journal-reseaux-2013-1-page-163?lang=en>
- Safransky S. (2020) Geographies of algorithmic violence: Redlining the smart city. *International Journal of Urban and Regional Research*, 44(2), pp. 200–218. <https://doi.org/10.1111/1468-2427.12833>
- Sunstein C. R. (2021) *Sludge: What stops us from getting things done and what to do about it*. MIT Press.

Об авторе / About the author

60

Сизов Антон Антонович — стажер-исследователь Международной лаборатории прикладного сетевого анализа НИУ ВШЭ, студент бакалаврской программы «Социология» НИУ ВШЭ в Москве. Научные интересы: социологическая теория, surveillance studies, governmentality studies, сетевой анализ.

<https://orcid.org/0009-0002-4483-6160>. E-mail: aasizov@hse.ru

Anton A. Sizov — research assistant at the International Laboratory for Applied Network Research and an undergraduate student of Sociology at HSE University, Moscow. Research interests: sociological theory, surveillance studies, governmentality studies, social network analysis.

<https://orcid.org/0009-0002-4483-6160>. E-mail: aasizov@hse.ru